

11 апреля 2011 г.

Гермиона любила рано вставать. Она любила тихие часы, когда в мире царили темнота, тишина и покой. Утро давало ей время подумать, спланировать и подготовиться к каждому дню.

Но это утро было уникальным.

Это был ее первый официальный день в качестве целителя Нарциссы Малфой, и она дала себе дополнительное время, чтобы отнестись к началу своего нового пути с уважением, которого оно заслуживало.

Это будет нелегко - такие случаи, как у Нарциссы, никогда не были легкими, даже без их столкновения миров. Но пока Гермиона просматривала печатные статьи, она готовилась к долгому путешествию, мысленно собирая все унции терпения и выдержки, которые понадобятся ей в пути, когда она будет делать свои первые шаги по дороге. Как бы долго она ни оттягивала неизбежное, в конечном итоге это приведет к провалу, но Гермиона отбросила эту мысль.

Не стоит начинать путь, уже думая о результате.

А что она знала?

Может быть, ее подробные записи о Нарциссе однажды помогут исследователю, который в итоге найдет лекарство от ее слабоумия. С этой точки зрения Гермиона не могла считать неудачей ни одну из своих предстоящих работ.

Кроме того, не все неудачи были плохими.

Иногда они придавали человеку силы, которых не давали успехи. Ее собственная неудача научила Гермиону смирению, силе и упорству больше, чем любой из ее триумфов.

В тихие предрассветные часы Гермиона смотрела в окно своего кабинета на небо и втайне размышляла, какие уроки она извлечёт в этот раз...

Она была пожизненной студенткой и гордилась тем, что всегда узнает что-то новое и бросает вызов собственным идеологиям. Она обязательно чему-нибудь научится, даже если это будет то, что она никогда не поймет культуру чистокровных или Нарциссу Малфой.

Что ж, с усмешкой подумала Гермиона, направляясь на кухню, по крайней мере, она сможет поработать над списком своих реплик в ответ на нагло высказанные Нарциссой мнения.

Всегда лучше быть готовым.

Обычно по утрам она занималась растениями в оранжерее, а после восхода солнца выходила на улицу, или же читала для удовольствия. Но в то утро, вдохновлённая тем, что Нарцисса предпочитает есть, и тем, что она будет наблюдать за ней в течение всего дня, чтобы выявить любую негативную реакцию на зелья, Гермиона тщательно упаковала посуду, кухонные принадлежности и достаточное количество продуктов для приготовления трёх блюд.

Убедившись, что в сумке все уложено, она шагнула к флоу.

Куда она направлялась? Резиденция Малфоев.

Когда она вышла из камина, было уже почти шесть. Потолочные светильники автоматически включились, и от подопечных исходило покалывающее магическое тепло. По правде говоря, она не обращала особого внимания на палаты и даже на окружающую обстановку. Но теперь у нее было время обратить внимание на расстановку мебели.

Гермиона не стала выходить за невидимые границы открытой гостиной и кухни, но сделала любопытные шаги в противоположном направлении. К стеклянной стене от пола до потолка с серыми шторами, откинутыми с каждой стороны, которая вела в сад.

Небо начинало волноваться. Совсем скоро на горизонте появятся теплые розовые и оранжевые оттенки, когда солнце начнет свой восход. Это было бы прекрасно наблюдать за домом Малфоев, где за белой уличной мебелью, стоящей у окна, простирался чистый травяной холст.

Она с интересом отметила телескоп, стоящий на заднем дворе.

Может быть, украшение?

С бисерной сумкой в руках Гермиона медленно обошла нетронутую гостиную. Она обратила внимание на мраморную лестницу у стены и длинный коридор, который тянулся за кухней. Магия поочередно включала каждый светильник в коридоре, приглашая ее исследовать.

Но она не согласилась.

Вместо этого Гермиона нахмурилась, разглядывая окружающую обстановку.

По правде говоря, она осматривала их дом не из любопытства и не ради любопытства - ну, не совсем. Дом пациента многое рассказывал о нем: то, что нельзя было узнать никаким другим способом. В доме всегда находились мелочи, по которым она могла определить их мотивацию, природу и характер.

В конечном итоге это облегчало ее работу.

И хотя неожиданно современный дом Малфоев вызывал множество вопросов, Гермиона не могла пройти мимо одной маленькой вещи, которая щекотала ей заднюю стенку черепа...

Дом был клиническим, безличным - совсем не похожим на дом.

Как в музейном экспонате, здесь не было никаких акцентов и украшений. Ни одна книжная полка не говорила об интересующих их предметах. Ни гобеленов с лицами. Никаких портретов, даже тех, которые могли бы проклясть ее кровь. По сути, здесь не было ни одной фотографии членов их семьи, только абстрактные картины, которые можно было найти где угодно - художественные и дорогие, но лишенные индивидуальности и тепла.

Это расстраивало.

С этим чувством она прошла на кухню, где обнаружила пустые столешницы.

Их дом ничего не говорил Гермионе о том, кем были Малфои как семья. Или как отдельные люди.

Впрочем, это было не совсем так.

Она знала одно: они очень замкнуты. Это было очевидно.

Гермиона поставила сумку на кухонный остров и задумчиво оглядела безупречно чистую гостиную.

Их дом говорил и о другом: тот, кто утвердил его дизайн, не хотел иметь ничего общего с тем, кем они были до войны. Хотя нынешнее окружение кричало о превосходстве и богатстве, здесь не было ничего, что говорило бы о богатой истории семьи, которой они когда-то так гордились.

История, которая спустя тринадцать лет все еще горела под магическим куполом.

И только тогда Гермиона поняла, что в доме нет ничего, что хотя бы намекало на существование ребенка. Скорпиус. У Гарри было трое детей, но даже когда Джеймс был единственным, следы его пребывания были повсюду. На холодильнике не было рисунков. Не было разбросанных игрушек. Никаких пятен, которые не могла бы отмыть магия.

После короткого знакомства со Скорпиусом это стало понятно.

Гермиона отбросила эти мысли в сторону. Раскрыть все тайны семьи Малфой за одно утро было нереально. Семья всегда была сложным аспектом ухода за смертельно больным пациентом; у нее еще было время, прежде чем они потребуются на борту.

Оглядевшись в поисках подходящей посуды и не найдя таковой, Гермиона была благодарна за то, что взяла с собой свою. Она положила скоропортящиеся продукты в холодильник и принялась за работу.

Завтрак был прост: каша и свежий фруктовый салат с орехами пекан, чиа, ягодами, порезанными яблоками и свежесжатым апельсиновым соком. Что-то выносливое для первой порции зелений. Она поставила чайник для чая, достала утренние зелья Нарциссы и только закончила, как услышала горловой голос из открытого входа на кухню.

Подняв голову, Гермиона увидела Малфоя, который, казалось, был смущен ее присутствием.

Значит, их было двое.

Гермиона была так же озадачена его видом.

Свежевыбритый Малфой, как она догадалась, сделал это в знак умиротворения своей матери. Но не будем об этом, её отвлекло кое-что другое.

На нём были очки.

Раньше он их не носил.

Она бы вспомнила.

"Малфой, - поприветствовала Гермиона.

В одной руке он держал "Пророк" и кроссворд, а в другой - ручку; его внешний вид ясно давал понять: Отвали. Типично.

Малфой носил черный цвет так, словно он был придуман для него, словно он определял его. В отличие от матери, которая постоянно носила цветное, его выбор не был шокирующим. Черный цвет был символом власти, элегантности и ощущаемого превосходства. Гарри упоминал, что редко надевает мантии военно-морского цвета, которые обозначали его положение и ранг - даже отказывался.

С ним тоже никто не спорил.

Гермиона забавлялась, представляя, как в его шкафу рядами лежат чёрные костюмы, мантии, рубашки и галстуки. Все черное. А может, у Малфоя было семь нарядов, по одному на каждый день недели, а на полу стояли семь пар черных парадных туфель, выстроенных в ряд.

Строгий наряд для такого же строгого человека.

"Грейнджер". Малфой поприветствовал её кивком, в котором было столько же холода, сколько проницательности в его глазах. Возможно, у нее были галлюцинации, но Гермиона могла поклясться, что видела, как его глаза опускаются вниз, а затем возвращаются к ней. "Ты сегодня выглядишь... нормально".

Замечание Малфоя вывело ее из равновесия. Она посмотрела на свои джинсы и черную приталенную рубашку. Это было снова. Этот всплеск. Резкий прилив энергии, заставляющий ее дрожать, как всегда перед дракой. Она обнаружила, что не может сдержать свою реакцию на заявление, которое в противном случае проигнорировала бы.

"Что это значит?"

"Полагаю, твоей лодыжке лучше". Малфой положил на столешницу бумаги, книгу и ручку.

"Моя лодыжка не пострадала".

Гермиона почти забыла о своей вывихнутой лодыжке, залечив ее после отъезда.

Малфой ничего не сказал, лишь подошел к ней походкой, в которой угадывалась деловитость и эффективность, но в то же время непринужденность. Его энергетика была своеобразной и пикантной, её трудно было объяснить и невозможно игнорировать.

Проходя мимо, Малфой низким голосом сказал: "Ты ужасная лгунья, Грейнджер".

Рука Гермионы дрогнула, замешкавшись... за чем бы она ни потянулась. Вздвогнув, она проследила взглядом за движениями Малфоя и увидела, как он открывает верхний шкаф. Он потянулся, но остановился на полпути и повернулся к ней, глядя в упор.

"Я могу вам помочь?"

Гермиона отвела взгляд, но внимательно следила за тем, как он выполняет ряд действий, которые казались ей обычными. Вытащив палочку и очистив остров от следов приготовления еды, она возобновила свои, наложив на еду стазисные чары.

Снова шаги по дереву.

Не в ее сторону, а по другому пути вокруг острова.

Малфой положил записку рядом с маленькой миской и ложкой. Гермиона не заметила, как

открылся холодильник: она была слишком сосредоточена на движениях Малфоя, а потом на стол полетел контейнер с молоком и приземлился перед миской, рядом с коробкой... Фрости?

Брови Гермионы поднялись так высоко, что грозили слиться с остальными волосами, а затем еще выше, когда она увидела, как Малфой искусно расставляет миску и ложку на столе с гораздо большей тщательностью, чем нужно.

Теперь у нее официально было больше вопросов, чем ответов.

"Я слышу, о чем ты думаешь, Грейнджер. Если хочешь знать, хотя это и не твое дело, - несмотря на низкую громкость, его тенор передавал раздражение через пространство между ними, - моя мама разрешает моему сыну есть хлопья по понедельникам, когда у него была хорошая предыдущая неделя". Когда это странное высказывание во вселенной внесло хаос в её базовые знания о Драко Малфое, он сам достал из кармана пиджака свою палочку и наложил стазисные чары.

Ей следовало бы промолчать, но это было не в её духе. "Его выбор хлопьев удивительно..."

"Магглов?" Серые глаза впились в нее. "Как осуждающе с твоей стороны. Я ожидал большего".

Его ругань была короткой, но жестокой.

Губы сжаты в тонкую плетенку, линия челюсти стала более выраженной, когда он был чисто выбрит.

Малфой был явно экипирован, вооружен и готов к спору.

И в ответ Гермиона приготовилась к бою.

Вспомнив его тон, когда он произнёс её имя, она подумала, не было ли у неё слуховых галлюцинаций. Сегодня Малфой звучал так же, как и та безапелляционная задница, на которую жаловался Гарри.

"Это не осуждение, если оно основано на фактах".

"Это то, что ты говоришь себе?" Малфой убрал палочку в карман, сделал шаг назад от стола, затем приблизился.

Гермиона ожидала, что он уйдет, ведь она явно потревожила его утро, но он занял место на другом конце острова, где стояла она. Он достал бумагу, книгу и перо, щелкнул пальцами... и тут до Гермионы дошло то, что она все еще пыталась осознать.

Домовой эльф был на каникулах.

Драко вздохнул.

"Я поставил чайник для чая, если хочешь".

"Нет, спасибо". Как и ожидалось, ответ был отрывистым. Малфой поправил оправу очков и открыл книгу на полузаконченном кроссворде, забыв о присутствии Гермионы, как только взял в руки перо.

Интрига не давала ей покоя.

Гермиона любила кроссворды. Это было умственное упражнение, которое ценили в ней академики. Они были упорядоченными и аккуратными. В каждом квадрате был один вариант, все было predetermined, что приносило глубокое удовлетворение.

Только одно было не так...

Он использовал ручку.

Это было смело.

Смело. Самонадеянно.

Ужасающе.

Малфой ловко переходил от одной подсказки к другой, а она смотрела на него, ожидая, что он совершит ошибку.

Но он не ошибся.

Прошло несколько минут, прежде чем Гермиона перестала предвидеть ошибки и начала замечать другие вещи. Малфой был левшой, и его почерк не был таким же безупречным, как его одежда: он был довольно грязным и трудночитаемым.

Заурядная дотошная девушка читала подсказки без пометок, перевернув их вверх ногами.

"Четыре вниз - заумь".

Его перо остановилось на двенадцати поперек, на середине буквы, и его хватка сжалась. "Я

знаю".

И вот он, тот самый напев, который она помнила.

Тот, который она ненавидела.

Малфой выдохнул в отчаянии, отложил перо и закрыл книгу. "Уверен, у тебя есть дела поважнее".

Конечно, Гермионе было чем заняться, но раз уж он здесь, то это идеальная возможность поговорить с ним наедине об уходе за его матерью.

"I."

Она замолчала, когда Малфой развернул газету, убрав её из поля зрения. На первой полосе была помещена фотография министра и Тиберия, позирующих вместе под заголовком: Министерство празднует седьмой экономический профицит.

Это было тревожно.

Большая часть денег Министерства уходила на восстановление и обеспечение экономического будущего; гораздо меньше - на его защиту. Они отчитывались об экономическом профиците, но не могли производить Волчью трость для ликантропов, не могли помочь тем, кто остался без средств к существованию после войны и различных нападений Пожирателей смерти за эти годы, и не могли выделить Гарри приличный бюджет, чтобы должным образом обучить новых авроров. Или перевоспитать старых, которые клялись, что знают все. Или даже укомплектовать оперативную группу.

Целевая группа, как сообщил ей Гарри, была хуже, чем Департамент авроров. В ней было полно волшебников-хитов, которых отобрали в отдел, заставлявший их работать долгие, неблагодарные и зачастую опасные часы за мизерные деньги. Малфой работал без зарплаты. Она огляделась по сторонам. Не то чтобы он нуждался в деньгах, но...

Гермиона снова нахмурилась, наблюдая за петлей жесткого рукопожатия и еще более жесткой улыбке, а затем отвела взгляд, вернувшись к столу, накрытому для его сына.

Как и отсутствие зарплаты, Малфой, накрывающий завтрак для сына, был странно мил и не соответствовал тому надменному и высокомерному человеку, который в данный момент просматривал утреннюю газету, чтобы отвлечься от её присутствия.

Засвистел чайник.

<http://erolate.com/book/4183/122898>